

Догорала заря...Сивер выл над змеистым обрывом,
Умерла земляника во чреве забытых полян...

А он шёл, напевая... Он был озорным и счастливым...
– Как же звать тебя, *мила*й?.. И вторило эхо: «Иван...»

Он шагал через луг... Чертыхаясь – несжатой полоской,
Ну а дальше, разувшись, по руслу засохшей реки.
– И куда ты, Иване? –Туда, где красою неброской
Очарован, стекает косматый туман со стрехи...

– Так чего тут искать? Это ж в каждой деревне такое,
Это ж выбери тропку и просто бреди наугад.
И увидишь туман, что с утра зародясь в травостое,
Чуть позднее стекает со стрех цепенеющих хат...

Эх, какая земля! Как здесь всё вековечно и странно!
Здесь густая живица в момент заживляет ладонь.
Здесь токует глухарь... И рождается Иван от Ивана –
Подрастёт и вражине промолвит: «Отчизну не тронь!»

Нараспашку душа... Да и двери не заперты на ночь.
Золотистая капля опять замерла на весу...
– Ты откуда, Иван? – Так автобус сломался, Иваныч,
Обещал ведь Ванюшке гостинца... В авоське несущ...

* * *

Позёмка кружит, одинокость струя,
Без сна и предела.
Ещё не стемнело, родная моя,
Ещё не стемнело.

И чудится – кто-то подёргал замок
И смолк за порошей.
Иль просто буран на мгновенье замолк
Под снежною ношей.

И тень мне на книгу ложится твоя,
Душа заалела...
Ещё не стемнело, родная моя,
Ещё не стемнело.

Холодной ладони коснётся рука,
И смолкнут созвучья.
Лишь ворон в окошке слетит свысока
На мёрзлые сучья.

У старых записок мохрятся края,
Обычное дело.
Ещё не стемнело, родная моя,
Ещё не стемнело...

* * *

Вячеславу Лютому

Ничто не бывает печальней,
Чем Родина в сизом дыму,
Чем свет над излучиной дальней,
Колышущий зябкую тьму.

Ничто не бывает созвучней
Неспешному ходу времён,
Чем крик журавлиный, разлучный,
Буравящий даль испокон.

И сам ты на сирой аллее,
Такою ненастной порой,
Вдруг станешь светлей и добрее
Средь этой тоски золотой.

Поймёшь – все концы и начала
Смешались средь поздних разлук.
И что-то в тебе зазвучало,
Когда уже кончился звук...

* * *

Серебряный ветер врывается в дом из-под шторы,
Чумная газета от ветра пускается в пляс.
И чудится Гоголь... И долгие страшные споры,
Что вёл с непослушным Андрием чубатый Тарас.

И что-то несётся сквозь ночь... На тебя... Издалёка...
И тайно вершится не божий, не праведный суд.
И чудятся скифы... И чёрная музыка Блока...
Кончаются звуки... А скифы идут и идут.

Полночи без сна... И едва ли усну до зари я...
Приходят виденья, чтоб снова уйти в никуда.
И слышно, как бьётся пробитое сердце Андрия,
И слышно, как скачет по отчим просторам Орда.

На мокнущих стёклах полуночных фар перебранка,
И тени мелькают – от форточки наискосок.
А где-то, как некогда, тихо играет тальянка,
И в душу врывается старый, забытый вальсок...

Полоска рассвета, как след от верёвки на вые...
Задёрнется штора... Отныне со мной навсегда
Года роковые, года вы мои ножевые,
Почти не живые, мои ножевые года.

Всё смолкнет внезапно...

Поверишь, что лопнули струны.

Спохватишься – где он, главу не склонивший редут?

Иное столетье... И это не скифы, а гунны,

Зловещие гунны в тяжёлых доспехах идут...

* * *

Октябрь... Во мгле ощетинились ели,

Потупила женщина раненый взгляд.

Намокли кусты... Журавли улетели.

А я всё хочу воротиться назад.

Туда, где туман над тропинкою ранней,

На луг васильками стекли небеса,

Где первые искорки робких желаний,

Зрачок о зрачок! – высекают глаза.

Где плющ закурчавился возле беседки,

Где гроздь рябины кровавят закат,

Где чахлое солнце повисло на ветке,

А я все хочу воротиться назад.

Туда, где поспела уже ежевика,

Где осы роятся ... Ужалят... Не трожь!

И где позади журавлиного крика

Несжатой полоскою стелется рожь.

Где сад сторожит дед с берданкою злющей,

Где все заголовки нахально кричат

О светлом пути, о счастливом грядущем...

А я всё хочу воротиться назад.

* * *

Золотистым нерезким просветом

Осень тихо на кроны сползла.

И такое явилось при этом,

Что в душе – ни печали, ни зла.

Осветила... Зажгла... Заалела...
Утолстила нагие стволы.
У хатенки, что никла несмело,
Сразу сделались ставни белы.

И среди векового раздора,
Где овраг, запустенье и глушь,
Чей-то голос запел без укора,
Будто вспомнив июльскую сушь.

Ну а после, чуть солнце в печали
Утонуло средь пней и грибниц,
Долго птицы о чём-то кричали,
Хоть казалось, что нет уже птиц...

* * *

Аршаку Тер-Маркарьяну

Мне бы разделаться с этой метелью безумной,
С гулом клаксонов, несносною ношей времён.
С извечным молчанием... С пьяной ватагою шумной,
Что после поминок горласто спешит с похорон...

Мне бы отделаться от постижения смысла
Женских поступков и гнева суровых богов.
От тёмных ночей, от зимы, что угрюмо нависла
Над чёрным сараем, морозным молчаньем дворов.

Мне б успокоиться... Сколько же можно тревогу
В дом приносить, будоража бумагу и сны?..
Взять Бога в дорогу, торить ли дороженьку к Богу...
А лучше, зарывшись в берлогу, проспять до весны.

Где-то в апреле, проснувшись бурым медведем,
Выйти, глаза продирая, под звездную звень.
Овраг перейти... Грозно ставни подергать соседям,
Что мыслят о прошлом, поскольку о будущем – лень...

Вдруг встрепетаться, внезапно подумав, что мне бы
Надо назваться – для Времени я имярек.
И сам я, и прошлое – всё это быль или небыль?..
А все мои истины – поздно растаявший снег...

* * *

Только дождь... Только ночь... Только ветер.
Только слабо чадит огонёк.
Только листья с нищающих ветел
Закружились... И путник продрог.

Натянул капюшон и не слышит,
Что кричит ему женщина вслед.
Только ветку рукою колышет,
Только щурится молча на свет.

На неверном свету догорая,
Утомясь от небесных щедрот,
Только капля сверкнёт золотая
И, поблэкнув, по куртке сползёт.

Молча выпью остывшего чаю,
И взгрустну, что сквозь влажную тьму
Никогда я уже не узнаю,
Что там вслед прокричали ему.

* * *

Я помню холодные женские руки,
Вечернее платье, разбитый бокал,
Коротенький миг – от любви до разлуки,
И слово, что зря на ветру расплескал.
Неверный, замедленный блеск снегопада,
Снежинку, рассёкшую стынущий взгляд,
И губ единенье... И это: «Не надо...»,
И робкий порыв убежать в снегопад.
Я силился что-то сказать... Не хватало
Ни слов, ни дыханья, ни слёз из-под век...

И длинное платье с крылечка сметало
За эти мгновенья нападавший снег...
А после, оставшись один с этой мукой,
Гадал, повторяя: «Душой не криви...»,
Что ранит сильнее – любовь пред разлукой,
Иль память, в разлуке, о прошлой любви?

ЗАЧЕМ?

Я всё терзался этой мукой –
Зачем под позднею луной
Столетний тополь однорукий
Навис над чёрной глубиной?

Чего он ждёт под небом мрачным,
Зачем здесь поздняя луна?
Ведь глубина – всегда прозрачна,
Всегда бездонна – глубина.

А нынче сам пройдя по краю,
Вам не отвечу в миг един –
Зачем я глаз не отрываю
От этих сумрачных глубин?

* * *

Таял день, прохладой влеком...
Девушка бродила босиком,
Обнимала пегого коня
И тайком смотрела на меня.

Хоть я был до крайности несмел,
Но и я на девушку смотрел,
На глаза, что омутам сродни,
На её разутые ступни...

Я смотрел на девушку тайком,
А она бродила босиком.
Конь косился, сбруею звеня,
А она смотрела на меня.

Избегал коснуться взгляда взгляд –
Это конь, конечно, виноват.
Если б он резвиться захотел,
Как бы я на девушку глядел?

Молча я кричал: «Коня не тронь,
Пусть себе стоит лохматый конь!
Я сегодня точно не усну,
Увидав коленей белизну...»

Ты вошла в мечтания и сны
С нежной кожей чудо-белизны.
Чуть дрожала узкая ладонь.
Ну а конь?.. Причем здесь этот конь?..

* * *

Пиши, пророк, пиши про рок,
Не рви напрасных струн.
Неужто в сумраке продрог –
Сказитель и вещун?
Неужто вновь угас задор,
Заряд сердечный пуст,
Твоя *усталость* с неких пор –
Всего лишь *алость уст*?..
Неужто так неровен наст
И этот шлях – без роз,
Где нам Отечество *воздаст* –
В последний путь *даст воз*?
Восстань над бездной роковой
Средь горя и страстей,
О роке пой, о роке вой,
Но замолкать не смей!

Пускай судьбою не согрет
Метафор поводырь,
Умолкнешь ты – погаснет свет
И онемеет ширь...

* * *

Всё багровой зарево...
Ах ты, волчья сыть! –
Разве государево
Дело – слезы лить?

Государь вершит закон –
Чтоб не ели зря!
Может прослезиться он
Лишь у алтаря.

Та слеза огромнит тьму,
Ранит на весу.
Не дай Бог узреть кому
Царскую слезу!..

Выйдет, усмехнётся: «Хам,
Сможешь? – Володарь...»
Не дай Бог увидеть вам,
Как смеётся царь!..

Тех, кто бит усмешкою
И слезою жжён,
Схватят – и не мешкая –
С тридцати сажён,

С башни... В омут, вырытый
Позади дворца,
Чтобы знали, ироды,
Кто им за отца...

Чтобы и впоследствии,
Через пять колен,
Знали, раболепствуя, –
Царь благословен.

И молили зимами
Господа впотьмах:
«Оживи родимого,
Пусть воротит страх!

Мы во страхе – гордые,
Нас во страхе – тьма.
Нам по нраву, Господи,
Рваная сума...

Ведь не стало рвеня
В непонятный век,
Всё без повеления –
И закат, и снег...

Нам бы зреть сквозь зарево,
Только и всего,
Ту усмешку цареву
Да слезу его...»